

Савина О.В.

Екатеринбург, Россия

ORCID 0000-0002-6321-7974

E-mail: savina-1999@bk.ru

УДК 821.161.1-1(Гумилев Н. С.)

DOI 10.26170/ufv19-04-11

СЕМАНТИКА ОБРАЗОВ ЖИВОТНЫХ И ПТИЦ В КНИГЕ Н.С. ГУМИЛЕВА «ЖЕМЧУГА»

Аннотация. Книга стихов «Жемчуга» вызвала неоднозначные оценки критиков-современников поэта. Г. Струве отмечал возросшее мастерство автора, Вяч. Иванов писал о преобладании эпического содержания над лирическим, а Росмер видел за внешней пестротой образов «пустоту души». Задача статьи состоит в анализе семантики и функций образов животных и птиц (на материале нескольких, избранных стихотворений) с тем, чтобы выявить характер и особенности лиризма в этой книге Гумилева. Методологической базой является сопоставительный и мотивный анализ, теория субъектной сферы лирики. Анализ стихотворений «Попугай», «Орел», «Кенгуру», «Охота», «Поединок» показал, что при косвенных формах выражения лирического переживания (через образ «другого») в «Жемчугах» развиваются важные для автора мотивы мотив смерти и воскрешения, мотивы искушения, демонические мотивы. Наблюдения над образом лирического субъекта, будь то животное, птица, девушка, «князь» приводят к выводу, что в трех разделах книги, обозначенных цветом жемчуга, нет последовательного развития мотивов, но происходит расщепление, углубление мотивов, заложенных уже в первом разделе «Жемчуг черный».

Ключевые слова: русская поэзия, русские поэты, поэтическое творчество, поэтические образы, животные, птицы, книги стихов, образ животных, поэтика модернизма

Savina O.V.

Ekaterinburg, Russia

SEMANTICS OF IMAGES OF ANIMALS AND BIRDS IN THE BOOK BY N.S. GUMILYOV “ZHEMCHUGA” (“THE PEARLS”)

Abstract. A poetry book “Zhemchuga” (“The Pearls”) sparked off multiple-valued evaluation of contemporary critics of a poet. G. Struve marked increased mastery of the author. V. Ivanov wrote about predominance of epical maintenance above lyrical one, and Rosmer saw “empty soul” behind the motley images. The aim of this article is to analyse the semantics and function of animal and birds' images on the basis of some poems to find out the main feature of Gumilyov's lyrics in this book. Methodological base is comparative and reasonable analysis, theory of subject sphere of lyrics. Analysis of poems “A parrot”, “An eagle”, “A kangaroo”, “Hunting”, “A duel” showed that using indirect forms for expressing lyrical emotions through “another” image made it possible to develop author's important motives of death and recreation, temptation and demonic motives in “Pearls”. Observing lyrical subject's image: an animal, a bird, a girl, “a prince” helps to draw a conclusion that all three chapters of the book, marked by pearl colour, don't contain constant development of motives. At the same time we can find splitting and intensification of motives, used in the first chapter “Pearl Black”.

Keywords: Russian poetry of the beginning of the 20th century, acmeism, animal images, poetics of modernism

Книга Н.С. Гумилева «Жемчуга» была издана в 1910 году. Если предыдущая книга («Романтические цветы») оценивалась Г. Струве как ученическая, то «Жемчуга», по мнению рецензента – это новый этап в развитии поэта. В.Я. Брюсов же писал: «...в своих новых поэмах он в значительной степени освободился от крайностей своих первых созданий и научился замыкать свою мечту в более определенные очертания. Его видения с годами приобрели больше пластичности, выпуклости» [цит. по: Гумилев 2000: 362]. Вяч. Иванов отмечал в этой книге доминирование эпического плана над лирическим и пытался предугадать дальнейшее движение творчества Гумилёва: «...когда действительный, страдательный и любовью купленный опыт души разорвет завесы, еще обволакивающие перед взором поэта сущую реальность мира, тогда разделятся в нем “суша и вода”, тогда его лирический эпос станет объективным эпосом, и чистою лирикой – его скрытый лиризм, –

тогда впервые будет он принадлежать жизни...» [цит. по: Гумилев 2000: 366].

Существенно отличается рецензия Росмера. Автор дает «Жемчугам» отрицательную оценку: «За яркостью формы – пустота души, которой нечего сказать. За пестрыми обложками стихотворных сборников – вялость и бедность, бескровная изысканность, утонченность без тонкости. За пестрой обложкой книги Н. Гумилева больше 150 страниц стихов. Здесь и античность, и средневековье, и Азия, и Африка, и раджи, и маги, и маркизы, и конквистадоры и больше 60 разных зоологических названий, – нет только биения живого сердца...» [цит. по: Гумилев 2000: 375]. Росмер слишком поверхностно подошёл к образному строю «Жемчугов». Книга «Жемчуга» содержит в себе достаточно глубокие стихотворения, в которых встречаются мотив смерти и воскрешения, мотивы искушения, демонические мотивы.

Цель статьи – проанализировать поэтику и семантику образов животных и птиц в избранных стихотворениях из книги «Жемчуга» Н.С. Гумилева.

Первый раздел книги называется «Жемчуг черный», он самый мрачный. В этом разделе есть стихотворение «Попугай», написанное в форме сонета, что характерно для Гумилева, стремившегося сохранить «память жанра».

Я – попугай с Антильских островов,
Но я живу в квадратной келье мага.
Вокруг – реторты, глобусы, бумага,
И кашель старика, и бой часов.
Пусть в час заклятий, в вихре голосов
И в блеске глаз, мерцающих, как шпага,
Ерошат крылья ужас и отвага
И я сражаюсь с призраками сов...
Пусть! Но едва под этот свод унылый
Войдет гадать о картах иль о милой
Распутник в раззолоченном плаще, –
Мне грезится корабль в тиши залива,
Я вспоминаю солнце... и вотще
Стремлюсь забыть, что тайна некрасива.

[Гумилев 1990: 105]

Субъект данного стихотворения – экзотическая птица, но живет «под сводом унылым», в тесной келье волшебника-«мага»; окружает его не цветущая природа, а колбы и реторты, что следует из первого катрена. Второй катрен сгущает атмосферу страха и демонизма: заклятья, ужас, призраки сов... Однако попугай готов все это терпеть, поэтому дважды повторяется восклицание «Пусть». Почему? Потому что

изредка в келье мага появляется «распутник» (Дон Жуан, можем мы предположить, так как предыдущее стихотворение как раз посвящено Дон Жуану) – и тогда, в ударной развязке сонета, попугай грезит о море, о корабле в заливе, о солнце, хотя и отдает себе отчет в том, что «тайна некрасива». Образ попугая в этом стихотворении прочитывается как образ одинокого мечтателя, стремящегося забыть убогую реальность, оставаясь в ее плену.

По-другому раскрывается образ мечтателя-победителя в разделе «Жемчуг серый». В стихотворении «Орёл» гордый орел становится идеальным воплощением духовного порыва для Гумилева, может быть, даже автометафорой. Он летит ввысь, прочь от земли, чувствуя свободу:

Орел летел все выше и вперед
К Престолу Сил сквозь звездные преддверья.
И был прекрасен царственный полёт,
И лоснились коричневые перья.

[Гумилев 1990: 115]

Орёл «царственный», могущественный, свободный, гордый. Его прошлое остается загадкой:

Где жил он прежде? Может быть, в плену,
В оковах королевского зверинца,
Кричал, встречая девушку-весну,
Влюбленную в задумчивого принца.

[Гумилев 1990: 115]

Но его прошлое не имеет значения, как и та земная любовь, свидетелем которой он был, важно лишь настоящее, его стремление к солнцу. Ему не жаль жизни: он летит три ночи и три дня и умирает, «задохнувшись от блаженства». И теперь он – вечен, он вне сил земного притяженья, ему не грозит тленье. Что бы ни случилось на земле, его все эти катастрофы не касаются. Мертвый, он подобен небесному телу среди других метеоритов и звезд.

Стихотворение «Кенгуру» относится к разделу «Жемчуг розовый», в котором центральное место занимает мотив воскрешения земного мира. Семантика цвета имеет определенное значение. А.Белый в статье «Священные цвета» пишет: «Розовый цвет соединяет красный с белым. Если теософское определение красного цвета как относительности борьбы между Богом и дьяволом сопоставить с розовым, в котором уже явно выражено преобладание белого светоча человекобожества, то следующая стадия душевного переживания окрашена в розовый цвет» [Белый 1694: 205]. Можно предположить, что Гумилев был знаком с символикой цвета, характерной для предыдущей генерации поэтов, ведь «Жемчуга» первоначально посвящались В.Я. Брюсову.

Книга «Жемчуга» состоит из трех разделов, и переход от жемчуга чёрного и серого к розовому можно связывать с обретением «Я» лирическим субъектом и его приближением к идеалу.

Лирический субъект в стихотворении «Кенгуру» – девушка, мечтающая о суженом – это герой-маска. Исследователь А.А. Чевтаев пишет: «В “Жемчугах” получает принципиальное значение присущее гумилевской поэтике в целом воплощение лирического субъекта в широком спектре разнородных персонажей, за каждым из которых имплицитно содержится событийный ряд мифологического, исторического или литературного контекста, каждый из которых индивидуализирован авторским сознанием Н. Гумилёва» [Чевтаев 2012: 23]. Таким образом, лиризм в этом стихотворении опосредованный, что побуждает внимательнее приглядеться и к деталям поэтического мира, в том числе, и к образу кенгуру.

Стихотворение начинается с момента пробуждения девушки: она полна сил и энергии, радостного ожидания нового и интересного:

Сон меня сегодня не разнежил,
Я проснулась рано поутру
И пошла, вдыхая воздух свежий,
Посмотреть ручного кенгуру.

[Гумилев 1990: 128]

Характерно, что это именно ручное экзотическое животное, ласковое и послушное. Начало стихотворения создает мягкую, светлую атмосферу любви и ласки. Стоит отметить переключку первых строчек «Кенгуру» с «Ягуаром» из «Романтических цветов»:

Странный сон увидел я сегодня:
Снилось мне, что я сверкал на небе

[Гумилев 2019: 33]

Сновидческие мотивы, связанные с образами животных, сохраняются в творчестве Гумилёва.

Далее рисуется облик кенгуру, зверек (неуклюжий, смешной) вызывает в девушке умиление, ведь в ответ на ее ласки она встречает сильное чувство, «торжество»:

У него так неуклюжи ласки,
Но и я люблю ласкать его,
Чтоб его коричневые глазки
Мигом осветило торжество.

[Гумилев 1990: 129]

Но затем настроение героини меняется. Она «охвачена истомой», ведь кенгуру – игрушка, а она ждет своего героя. Кто он – остается неизвестным читателю, но можно предположить, что он не будет смешным и покорным.

Подобный герой рисуется в стихотворении «Охота», где подчеркивается смелость и сила «князя», побеждающего диких зверей:

Но не спастись ни в глубь, ни в высь,
Как змеи, стрелы понеслись.

[Гумилев 1990: 132]

Стихотворение «Охота» отличается динамикой и быстротой:

И белый конь, душа погонь,
Ворвался в стынущую сонь.
Удар копыт в снегу шуршит,
И зверь встает, и зверь бежит

[Гумилев 1990: 132].

Князь обладает особой силой, всемогуществом. Он и «наводит страх», и «ищет четкий след лисиц». Его власть подчеркивается мужскими окончаниями строк и парной рифмовкой, что создаёт чеканный ритм, обилием глаголов движения. Но всё же князю необходим отдых, однако его верный конь всегда готов к бою:

Но вечер ал, и князь устал,
Прилег на мох и задремал,
Не дремлет конь, его не тронь,
Огонь в глазах его, огонь.

[Гумилев 1990: 132].

Именно конь в данном стихотворении жаждет битвы. Он инициирует погоню и охоту. Такой «огненный» конь противопоставлен ручному кенгуру. В этих двух стихотворениях, «Кенгуру» и «Охота», можно отметить противоположность качеств: домашний – дикий, кроткий – жестокий, милый – огненный (яростный), что перерастает в пару женское – мужское (девушка – князь).

Эти оппозиции отчетливо сталкиваются в стихотворении «Поединок», написанном от лица мужчины:

В твоём гербе невинность лилий,
В моём – багряные цветы.

[Гумилев 1990: 91]

Стихотворение «Поединок» относится к разделу «Жемчуг чёрный», что определяет его специфику. В основе стихотворения лежит сюжет столкновения, борьбы, поэтому уже в первых строфах мы видим принцип антитезы:

В твоём гербе – невинность лилий,
В моем – багряные цветы.
И близок бой, рога завыли,
Сверкнули золотом щиты.

[Гумилев 1990: 91]

За противопоставлением «невинных лилий» и «багряных цветов» скрывается разница ценностных установок. «Традиционно “лилия” отождествляется с чистотой, невинностью, <...> ассоциируется с плодородием и эротической любовью из-за ее фаллоподобного пестика и специфического аромата», а также «белые лилии могут иногда символизировать смерть, так же как и чистоту, и их часто изображают как знак скорой смерти. Таким образом, значения, продуцируемые изображением на гербе героини, вскрывают ее внутренний мир, несущий угрозу лирическому герою», – пишет А. Чевтаев [Чевтаев 2012: 426].

Далее разворачивается конфликт между героями:

Я вызван был на поединок
Под звуки бубнов и литавр,
Среди смеющихся тропинок,
Как тигр в саду, – угрюмый мавр

Ты – дева-воин песен давних,
Тобой гордятся короли,
Твое копьё не знает равных
В пределах моря и земли.

[Гумилев 1990: 91]

Этот поединок характеризуется динамичностью, напряженностью. Герой подобен тигру, но и дева-воин – «сталь». В 6-ой строфе мы вновь наблюдаем противопоставление:

Клинки столкнулись, – отскочили,
И войско в трепете глядит,
Как мы схватились и застыли:
Ты – гибкость стали, я – гранит.

[Гумилев 1990: 91]

Кульминацией в стихотворении является гибель лирического героя. Он задыхается, его боль не имеет границ:

Я пал... и, молнии победней,
Сверкнул и в тело впился нож.
Тебе восторг – мой стон последний,
Моя прерывистая дрожь.

[Гумилев 1990: 92]

И всё-таки дева-воин признается в любви. Она возвышается, всё так же оставаясь чистой:

Люблю! Ты слышишь, милый, милый?
Открой глаза, ответь мне: «Да».
За то, что я тебя убила,
Твоей я стану навсегда.

[Гумилев 1990: 92]

В конце провозглашается невозможность любовного союза героев: герой умирает, а дева-воин оставляет его тело. Казалось бы, любовь побеждает после смерти героя, однако эта дева-воин покидает убитого, и он становится добычей алчного волка, даже не получив обряда погребения.

Еще не умер звук рыданий,
Еще шуршит твой белый шелк,
А уж ко мне ползет в тумане
Нетерпеливо-жадный волк
[Гумилев 1990: 92]

Противостояние образа животных (ручной кенгуру, тигр, конь с «огненными глазами», нетерпеливо-жадный волк) эксплицируется как противопоставление мужского и женского начал, как в битве, так и в любви.

Таким образом, мы видим, как одно стихотворение тянет за собой другое. И «Кенгуру», и «Охота», и «Поединок» перекликаются своими мотивами. «Жемчуга» продолжают традиции композиции прошлых книг («Путь конквистадоров» и «Романтические цветы»): структурированность и «россыпь». «Принцип “россыпи”, внешней разбросанности, несобранности текстов, составляющих книгу, представляют собой “образ” целого, миромоделирующую метафору: мир – цветы, мир – жемчуга, распавшиеся, рассыпанные нити», – пишет А.А. Белобородова [Белобородова 2003: 15].

Стоит отметить, что в разделах «Жемчуг чёрный» и «Жемчуг розовый» преобладает косвенный лиризм: через образы птиц выражаются переживания земного плена и небесной свободы. Так, в стихотворении «Попугай» мы видим стремление уйти от жалкой, скудной реальности, а в «Орле» уже намечается попытка избежать неволи, появляется образ вечности. В третьем разделе, «Жемчуге розовом», главной темой становится уже тема поединка мужского и женского психотипов. Впрочем, эта тема намечена уже в «Жемчуге черном» и продолжена во втором разделе книги. Эта тема раскрывается благодаря противопоставлению образов животных: кенгуру противоположен коню с огненными глазами, князь (мужчина-воин), подобный тигру, обречен стать добычей алчного волка.

Образы животных и птиц – это не «внешняя необычайность», прикрывающая «пустоту содержания», как писал Росмер [цит. по: Гумилев 2000: 375]. Книга несёт в себе философскую-этическую проблематику, которая раскрывается благодаря поэтическому bestiariu. Именно образы животных и птиц помогают Н.С. Гумилёву раскрыть его лирического героя и показать его отношение к миру.

ЛИТЕРАТУРА

Баскер М. Ранний Гумилёв: путь к акмеизму. – СПб., 2000. 160 с.
Белобородова А.А. Книга стихов Гумилева как художественное целое («Путь конквистадоров», «Романтические цветы», «Жемчуга»). – Екатеринбург, 2003. 18 с.

Белый А. Священные цвета. // Белый А. Символизм как миропонимание. – М., 1964. – С.201-210.

Брюсов В.Я. Н. Гумилев. Жемчуга. // Н. С. Гумилев: Pro et contra. Личность и творчество Николая Гумилева в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. – СПб., 2000. – С. 362 – 366.

Гумилев Н.С. : Pro et contra. – СПб., 2000. 666 с.

Гумилев Н.С. Письма о русской поэзии. – М.,1990. 383 с.

Гумилев Н.С. Стихи. Письма о русской поэзии. – М., 1990. 447 с.

Лекманов О.А. Книга об акмеизме и другие работы. – Томск, 2000. 704 с.

Росмер. Жемчуга Гумилева. // Н.С. Гумилев: Pro et contra. Личность и творчество Николая Гумилева в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. – СПб., 2000. – С. 375-377.

Струве Г.П. О четырех поэтах: Блок, Сологуб, Гумилев, Мандельштам. – Лондон., 1981. 187 с.

Чевтаев А. Стихотворение Н. Гумилёва «Поединок»: ценностно-смысловой статус героя в поэтическом нарративе // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского, 2012. № 27. С. 425-430.

Чевтаев А. Типология нарратора в поэтической книге Н. Гумилева «Жемчуга»: идеологический аспект. – Новый филологический вестник, 2012. – С. 21-35.

REFERENCES

Basker M. Ranniy Gumilev: put' k acmeizmu – SPb., 2000. 160 s.

Beloborodova A.A. Kniga stihov Gumileva kak hudozhestvennoe celoe («Put' concvistadorov», «Romantichescie cveti», «Zhemchuga»). – Ekaterinburg, 2003. 18 s.

Beliy A. Svyaschennyye cveta// Beliy A. Symbolism kak miroponimanie. – M., 1964. – S.201-210.

Bryusov V.Ya. N. Gumilev. Zhemchuga. // N.S. Gumilev: Pro et contra. Lichnost i tvorchestvo Nicolaya Gumileva v ocenke russkih mislitley i issledovatelei. Antologiya. – SPb., 2000. – S. 362-366.

Gumilev N.S.: Pro et contra. – SPb., 2000. 666 s.

Gumilev N.S. Pisma o russkoy poezii. – M.,1990. 383 s.

Gumilev N.S. Stihi. Pisma o russkoy poezii. – M., 1990. 447 s.

Lekmanov O.A. Kniga ob acmeisme I drugiye raboti. – Tomsk, 2000. 447 s.

Rosmer. Zhemchuga Gumileva. // N.S.Gumilev: Pro et contra. Lichnost I tvorchestvo Nicolaya Gumileva v ochenke russcih misliteley i issledovatele. Antologiya. – SPb., 2000. – S.375-377.

Struve G.P. O chetyreh poetah: Blok, Sologub, Mandel'shtam. – London.,1981. 187 s.

Chevtaev A. Stihotvoreniye N. Gumileva «Poedinok»: cennostno-smyslovoi status geroya v poetichescom narrative // Izvestiya PGPU im. V.G. Belinskogo, 2012. № 27. S. 425-430.

Chevtaev A. Tipologiya narratora v poeticheskoy knige N. Gumileva «Zhemchuga»: ideologicheskiy aspect. – Novyi philologicheskiy vestnik, 2012. – S. 21-35.

Науч. руководитель: Барковская Н.В., д. филол. наук, проф.

Данные об авторе

Савина Оксана Вадимовна – студент третьего курса, филологический факультет Уральского государственного педагогического университета

Адрес: 620017, Россия, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов, 26.

E-mail: savina-1999@bk.ru

Author's information

Savina Oksana Vadimovna – 3rd year student, Department of Philology, Ural State Pedagogical University